

Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. [Общие вопросы: Что было причиною возникновения у нас раскола старообрядства?] // Богословский вестник 1892. Т. 1. № 1. С. 45–76 (2-я пагин.). (Начало.)

КЪ НАШЕЙ ПОЛЕМИКЪ СЪ СТАРООБРЯДЦАМИ *).

ОБЩІЕ ВОПРОСЫ.

I.

Что' было причиною возникновенія у насъ раскола старо- обрядства?

Къ половинѣ XVII вѣка, къ восшествію на патріаршій престолъ Никона, мы - русскіе нѣсколько разнились съ греками относительно церковныхъ обрядовъ и обычаевъ, а равнымъ образомъ и богослужебныя книги наши не совсѣмъ согласны были съ книгами греческими. Никонъ по своемъ восшествіи на патріаршій престолъ рѣшилъ привести насъ къ соглашенію или въ согласіе съ греками относительно обрядовъ и обычаевъ, а равно и богослужебныя книги наши исправить по книгамъ греческимъ. Это рѣшеніе патріарха Никона и вызвало у насъ расколъ такъ-называемаго старо-обрядства: нашлись люди, которые подняли протестъ противъ соглашенія насъ съ греками въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ и противъ исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ по книгамъ греческимъ и которые въ концѣ концовъ и отдѣлились отъ церкви, чтобы образовать свое особое схизматическое или раскольническое общество **).

*) Руководствъ къ полемикѣ съ старообрядцами мы имѣемъ достаточное количество. Но значительно расширенныя въ послѣднее время историческія и археологическія свѣдѣнія, относящіяся до полемики, требуютъ, чтобы въ существующихъ руководствахъ къ ней произведены были нѣкоторыя дополненія и поправки. Эти нѣкоторыя дополненія и поправки и составляютъ цѣль написанія настоящихъ статей.

**) Раскольники наши протестуютъ противъ названія ихъ раскольниками и требуютъ, чтобы ихъ называли старообрядцами. Но ихъ протестъ и тре-

Что же значилъ этотъ протестъ противъ соглашения насъ съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ и противъ исправленія нашихъ книгъ по книгамъ греческимъ? Неужели у насъ были люди, которые требовамя, чтобы мы, будучи одной вѣры съ греками и заимствовавъ вѣру и книги именно отъ нихъ, имѣли особые отъ нихъ обряды и обычаи и чтобы богослужебныя книги наши были несогласны съ ихъ книгами? Такихъ людей у насъ вовсе не было, напротивъ всѣ у насъ вполне признавали, что мы должны быть согласны съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ, а что книги наши должны быть согласны съ книгами греческими, и какъ Никонъ предпринялъ свое исправленіе нашихъ обрядовъ и книгъ во имя того принципа, что въ отношеніи къ однимъ и другимъ мы должны быть согласны съ греками, такъ и поднявшіе протестъ противъ его исправленія сдѣлали это во имя того же самаго принципа нашего согласія съ греками. Такое весьма странное и непонятное съ перваго взгляда явленіе, что во имя одного и того же принципа и предпринято было Никономъ исправленіе обрядовъ и книгъ и поднятъ былъ противъ его исправленія протестъ, поведшій къ образованію раскола старообрядства, объясняется тѣмъ, что Никонъ и протестовавшіе не одними и тѣми же, а совсѣмъ разными, глазами смотрѣли на современныхъ имъ грековъ. Нѣкоторое несогласіе наше съ греками въ обря-

божане вовсе неосновательны. Такъ какъ раскольникъ (*схизматикѳс*, схизматикъ) есть названіе общее или родовое, означающее всѣхъ людей, отдѣляющихся отъ церкви изъ-за какихъ-нибудь частныхъ причинъ извѣстнаго свойства и характера или извѣстной важности (Василія Великаго каноническое правило 1): то, конечно, они не просто раскольники, а раскольники старообрядцы (точнѣе было бы — инообрядцы, особобрядцы, а не было бы совсѣмъ неправильно и несправедливо и — новообрядцы, такъ какъ въ ихъ разностяхъ съ нами есть и новшества). Но они дѣйствительно раскольники и если у насъ принято и вошло въ обычай называть ихъ просто этимъ послѣднимъ именемъ безъ прибавленія старообрядцы, то понятная причина сего есть та, что у насъ нѣтъ другихъ раскольниковъ, что дѣлало бы нужнымъ частнѣйшее обозначеніе. А если раскольники заявляютъ претензію, чтобы мы, называя ихъ старообрядцами, не соединяли съ этимъ понятія раскольникъ или не считали ихъ за раскольниковъ: то претензія равносильна тому, чтобы самихъ себя мы признали за раскольниковъ (ибо между нами двоими кто-нибудь да раскольникъ, а не обоимъ мы одинаково православны, что невозможно).

дахъ было дѣломъ давнишнимъ и у насъ очень хорошо знали о немъ и прежде Никона; но у насъ давно составилось и вплоть до него-Никона существовало убѣжденіе, что вина въ семь случаевъ не на насъ-русскихъ, а на грекахъ. У насъ составилось убѣжденіе, будто мы-русскіе неизмѣнно сохраняли обряды и обычаи, а равно и книги, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получили ихъ вмѣстѣ съ христіанской православной вѣрой отъ древнихъ грековъ, и будто напротивъ сами позднѣйшіе греки, отступивъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, привнесли въ обряды съ обычаями и въ книги еретическія и погрѣшительныя новшества, которыя отчасти заимствовали отъ латинялъ, а отчасти создали себѣ сами, своимъ произволомъ, или же подъ влияніемъ ига турецкаго. Убѣжденіе это было у насъ до Никона общепринятымъ убѣжденіемъ. Никонъ пришолъ и приведенъ былъ къ признанію ошибочности и неосновательности убѣжденія, и во имя того принципа, что мы должны быть согласны съ греками въ обрядахъ и обычаяхъ, равно какъ и въ книгахъ, онъ и предпринялъ свое исправленіе, т.-е. исправленіе обрядовъ и обычаевъ по современнымъ ему обрядамъ и обычаямъ греческимъ и исправленіе книгъ по современнымъ ему книгамъ греческимъ. Вслѣдствіе заявленій и представленій Никона было перемѣнено убѣжденіе о грекахъ и признана была необходимость его исправленія большинствомъ представителей русской церкви, а за большинствомъ представителей церкви послѣдовало большинство ея членовъ. Но нашлись отдѣльные люди, которые не хотѣли и не могли перемѣнить убѣжденія о современныхъ имъ грекамъ; эти-то отдѣльные люди во имя того же самаго принципа, что мы должны быть согласны съ греками, причемъ подъ греками, отдѣляя древнихъ грековъ отъ позднѣйшихъ, они думали разумѣть первыхъ, и подняли протестъ противъ Никонова исправленія.

Но какимъ же образомъ могло случиться это, повидимому, совершенно непонятное, чтобы безъ всякой дѣйствительной причины предки наши составили себѣ убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ и заразились еретическими и погрѣшительными новшествами?

Причину кажущагося непонятнымъ и до такой степени

своеобразно характеризующаго нашу исторію и нашу церковную жизнь явленія составляетъ то, что предки наши, вслѣдствіе отсутствія у нихъ просвѣщенія, составили себѣ особые взгляды на обычаи церковные и что къ тому времени, какъ эти особые ихъ взгляды созрѣли, нѣкоторые обычаи оставались еще многообразными (собственно — двубразными) у грековъ, а въ слѣдъ за ними и у насъ, а что другіе обычаи, бывъ единообразными у грековъ, не успѣли еще сдѣлаться таковыми именно у насъ.

Обычай есть то, что входитъ въ употребленіе и остается въ употребленіи безъ положительнаго письменнаго закона (у юристовъ: *ἔθος νόμος ἀγραφος*, обычай — неписанный законъ). Но относительно чего нѣтъ положительнаго письменнаго закона, то можетъ существовать въ употребленіи (какъ не опредѣленное прямо письменнымъ закономъ) однообразно, можетъ существовать и не однообразно*). Такъ и обычаи церковные, представляя собою именно обычаи, существовавшіе въ употребленіи безъ письменныхъ относительно нихъ узаконеній (которыя уже превращали бы ихъ изъ обычаевъ въ дѣло узаконенное), могли существовать въ употребленіи однообразно, т.-е. въ одной только формѣ или одномъ видѣ, а могли существовать и не однообразно, т.-е. не въ одной формѣ или одномъ видѣ, а въ нѣсколькихъ. На самомъ дѣлѣ было такъ, что иные обычаи существовали однообразно, другіе не однообразно. Церковная власть посредствомъ своихъ письменныхъ узаконеній, конечно, могла бы придать однообразіе тѣмъ обычаямъ, которые существовали въ употребленіи не однообразно. Но неоднобразіе формы или вида пныхъ обычаевъ представляло собою дѣло безразличное, такъ какъ одинаково пріемлемы были и одні и другія вошедшія въ употребленіе формы; регламентировать же нарочитымъ образомъ то, что было дѣломъ безразличнымъ, церковная власть не поставляла своей задачей.

Между тѣмъ предки наши, вслѣдствіе отсутствія у нихъ просвѣщенія, образовали себѣ такой взглядъ на обычаи

*) Относительно чего напр. есть письменный законъ у насъ въ Россіи, то на всемъ пространствѣ государства существуетъ однообразно, а относительно чего нѣтъ письменнаго закона, то въ однихъ мѣстахъ можетъ быть такъ, въ другихъ иначе, и въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ можетъ быть такъ и иначе.

церковныя, который не допускалъ, чтобы какой-либо обычай могъ существовать не въ одной формѣ, а въ нѣсколькихъ. Простой, необразованный человѣкъ обыкновенно придаетъ внѣшнимъ церковнымъ обычаямъ преувеличенное значеніе, приравнивая ихъ къ догматамъ вѣры: догматы вѣры онъ мало знаетъ или совсѣмъ не знаетъ, а обычаи составляютъ то, что онъ самъ обязательно исполняетъ или видитъ обязательно исполняемымъ, и онъ привыкаетъ полагать въ обычаяхъ самое существо вѣры или принимать ихъ за это существо, причемъ обыкновенно производитъ ихъ отъ самаго Христа и апостоловъ и представляетъ дѣло такъ, будто Христосъ и апостолы установили ихъ въ однопомъ, навсегда имѣющимъ оставаться неизмѣннымъ, видѣ. У всѣхъ народовъ низшая необразованная часть людей приравниваетъ обычаи относительно ихъ важности къ догматамъ вѣры *). Но если не имѣетъ просвѣщенія цѣлый народъ, тогда цѣлый народъ и впадаетъ въ ту становящуюся его характерною чертою крайность, чтобы приравнивать обычаи къ догматамъ вѣры. Этотъ послѣдній случай и имѣлъ мѣсто съ нашими предками. Если же обычаи суть то же, что догматы и имѣютъ одинаковыя съ ними важность и значеніе: то недопустимо, чтобы какой-либо обычай могъ одновременно существовать въ нѣсколькихъ формахъ. Какъ всякій догматъ, выражая собою какую-нибудь истину христіанскаго вѣроученія, содержитъ въ себѣ единое и неизмѣнное ученіе, ибо истина одна и неизмѣняема, иначе — какъ всякій догматъ не можетъ имѣть нѣсколькихъ видовъ, чтобы утверждать не одно что нибудь, а одно и другое и третье, напр. что Иисусъ Христосъ есть Богъ и не Богъ, что Онъ есть Богочеловѣкъ и не Богочеловѣкъ: такъ и обычаи, по мнѣнію людей, которые приравниваютъ ихъ къ догматамъ, очевидно, могутъ имѣть только одну неизмѣнную форму. А такимъ образомъ, съ точки зрѣнія людей, приравнивающихъ обычаи къ догматамъ, только одна известная форма какого нибудь обычая можетъ быть истинною и православною, всѣ же другія формы неистинны и

*) Такъ это было напр. и у грековъ, простой народъ которыхъ потому именно, что приравнивалъ обычаи къ догматамъ вѣры, насчитывалъ у латинянъ величайшее множество ересей.

неправославны, и совершенно такъ же, какъ несогласіе и разногласіе по отношенію къ догматамъ, представляютъ изъ себя ересь.

Превратный, сейчасъ указанный, взглядъ на обычаи церковные составили себѣ наши предки вслѣдствіе отсутствія у насъ просвѣщенія. Между тѣмъ, какъ сказали мы, взглядъ этотъ, созрѣвъ или установившись, нашелъ въ дѣйствительности то, что нѣкоторые обычаи продолжали еще оставаться неединообразными у грековъ, а за ними и у насъ, а другіе обычаи, бывъ единообразными у грековъ, не успѣли еще стать таковыми у насъ самихъ; именно — возглашеніе пѣсни аллилуія продолжало еще совершаться у грековъ, а за ними и у насъ, въ двухъ безразлично формахъ сугубленія и трегубленія или двоенія и троенія, а сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія, существовавъ у грековъ въ единообразномъ видѣ троеперстія, у насъ употреблялось еще въ двухъ видахъ двоеперстія и троеперстія. Эта двойственность формы или вида въ одномъ и другомъ случаѣ представляла собою нѣчто невозможное по тѣмъ понятіямъ, которыя составились у предковъ нашихъ объ обычаяхъ, и они должны были одну форму въ обоихъ случаяхъ признать за правильную и православную, а другую форму за неправильную и еретическую. Такъ дѣйствительно они и сдѣлали, какъ должны были сдѣлать по своимъ понятіямъ объ обычаяхъ. Но поднятые у насъ при этомъ споры о томъ, которая въ обоихъ случаяхъ форма есть правильная и православная и которая неправильная и еретическая, кончились тѣмъ, что въ первомъ случаѣ, въ отношеніи къ пѣсни аллилуія, была признана неправильною и еретическою та форма, которая у грековъ впоследствии стала общеупотребительною, а во второмъ случаѣ, въ отношеніи къ сложенію перстовъ, была признана неправильною и еретическою та форма, которая, не ставъ еще общеупотребительною у насъ, уже была, какъ и осталась, общеупотребительною у грековъ. Такимъ образомъ, и составилось у предковъ нашихъ убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они, отступивъ отъ чистоты православія древнихъ грековъ, привнесли еретическія новшества. При этомъ, на первыхъ порахъ дѣло устроилось такъ, что какъ будто представители самой греческой церкви давали предкамъ нашимъ право обвинять позднѣйшихъ гре-

ковъ въ ихъ мнимыхъ еретическихъ новшествахъ, а случившіяся обстоятельства дали имъ кажуціяся основанія производить мнимыя еретическія новшества позднѣйшихъ грековъ именно отъ латинянъ.

Своеобразные взгляды нашихъ предковъ на церковные обычаи или, иначе сказать, ихъ своеобразныя богословскія воззрѣнія сложились не вдругъ. Постепенно слагавшись въ теченіе столѣтій, они наконецъ заявили себя и выступили за себя въ началѣ XV вѣка. Со времени принятія нами христіанства и до начала XV вѣка, въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ, пѣснь аллилуія была возглашаема у насъ, такъ же какъ и у грековъ, безразличнымъ образомъ двугубо и трегубо, и наконецъ представителями нашихъ, успѣвшихъ созрѣть, богословскихъ воззрѣній поднять былъ вопросъ: который изъ двухъ способовъ возглашенія есть истинный и православный и который неистинный и неправославный.

Вопросъ впервые поднять былъ во Псковѣ, въ правленіе митрополита Фотія *). Не предполагая по своему новообразовавшемуся взгляду на предметъ, чтобы у грековъ могло быть то же, что было у насъ, то-есть чтобы пѣснь аллилуія безразличнымъ образомъ возглашалась у нихъ сугубо и трегубо, псковичи обратились за рѣшеніемъ вопроса къ митрополиту, и этотъ въ посланіи отъ 12 августа 1419 г. приказалъ имъ троить пѣснь аллилуія **). Приказывая псковичамъ троить пѣснь аллилуія, Фотій не хотѣлъ сказать того, чтобы двоеніе было неправильно и неправославно, ибо это значило бы ему самому сказать нѣчто неправославное; не хотѣлъ сказать и того, чтобы троеніе было тогда господствующимъ обычаемъ въ Греціи, ибо мы положительно знаемъ, что въ Греціи были тогда въ одинаковомъ упо-

*) Что русскія воззрѣнія относительно возглашеній пѣсни аллилуія впервые и прежде всего были заявлены именно во Псковѣ, это, какъ должно думать, было не безъ значенія. Заявлять русскія воззрѣнія и возбуждать соотвѣтственные споры, что представляло своего рода протестъ противъ существовавшаго порядка, въ другихъ мѣстахъ, вѣроятно, препятствовала и не позволяла епископская власть, которой, естественно же было стоять за *statu quo*. Псковъ же находился только въ весьма слабой зависимости отъ архієпископа новгородскаго, veto котораго было здѣсь безсильно.

**) Посланіе у *пресв. Макарія* въ Исторіи, IV, 379, и у *Павлова* въ Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права, I, № 48, col. 408.

требленіи какъ троеніе, такъ и двоеніе: онъ хотѣлъ только дать псковичамъ отвѣтъ который бы успокоилъ и удовлетворилъ ихъ и прекратилъ у нихъ споры. Находя съ своей точки зрѣнія, что двѣ формы одного и того же обычая не могутъ быть одинаково правильными и православными, они спрашивали митрополита: которую употреблять имъ одну; сказать имъ, что употребляйте обѣ, не значило дать имъ отвѣтъ на ихъ вопросъ, и Фотій указывасть имъ употреблять одну форму, только, не предвидя печальныхъ слѣдствій отъ своего упущенія, не дѣласть при этомъ надлежащаго разъясненія относительно обѣихъ формъ (а приказываетъ именно троить, а не двоить, какъ нужно думать, потому, что троеніе въ его время было преобладающимъ у грековъ въ самомъ Константинополѣ или же, по крайней мѣрѣ, преобладающимъ въ той монемвасійской епархіи, изъ которой былъ онъ самъ). Послѣ отвѣта Фотіева въ Псковѣ и псковской области утвердился единообразный обычай троить пѣснь аллилуія, причемъ на продолжавшееся въ другихъ мѣстахъ безразличное употребленіе троенія и двоенія псковичи, конечно, начали смотрѣть какъ на весьма большую неправильность. Но если во Псковѣ утвердилось мнѣніе (и вѣрованіе), что правильный способъ возглашенія пѣсни есть троеніе, то могли найдтись односторонніе защитники и двоенія, и естественно было, чтобы защитники поваго односторонняго мнѣнія вступили въ борьбу съ защитниками прежняго односторонняго мнѣнія. Такъ это и случилось. Спустя лѣтъ тридцать пять или сорокъ послѣ того, какъ во Псковѣ, на основаніи посланія Фотіева, начали единообразнымъ образомъ троить пѣснь аллилуія, явился нѣкій монахъ Аѳанасій, бывавшій прежде на Востокѣ, который началъ укорять и обличать псковичей за ихъ троеніе, утверждая, что на Аѳонѣ и отъ патріарха константинопольскаго Іосифа онъ наученъ тому, чтобы двоить пѣснь, а не троить *). Что

*) По записямъ на рукописяхъ извѣстенъ тверской іеромонахъ Аѳанасій, который былъ на Аѳонѣ въ 1430 — 32 годахъ и который возвратился въ Россію не позднѣе 1436 г., см. у *Строева* въ Библиологическомъ Словарѣ стр. 5 (прим.), 19, 27—28. Считаемо за весьма вѣроятное принималъ, что этому-то Аѳанасію и принадлежали споры съ псковичами о пѣснѣ аллилуія, именно—что онъ построилъ монастырь, какъ сіе послѣднее извѣстно объ Аѳанасіи, спорившемъ съ псковичами, въ псковской

на Аѳонѣ Аѳанасій нашель если не исключительно господствующимъ, то преобладающимъ обычай двоенія пѣспи аллилуія, это весьма возможно, ибо мы имѣемъ позднѣйшія данныя, дѣйствительно заставляющія предполагать, что тамъ если не исключительно господствовало, то преобладало двоеніе *); очень можетъ быть даже, что Аѳанасій встрѣчалъ на Аѳонѣ и такихъ монаховъ, которые, бывъ по своимъ богословскимъ воззрѣніямъ однимъ и тѣмъ же съ нашими предками, то-есть не выше ихъ, сильно порицали троеніе; но чтобы патріархъ Іосифъ сказалъ ему что должно двоить пѣснь аллилуія, это совсѣмъ невѣроятно: патріархъ могъ только сказать ему, что аѳонское двоеніе столько же православно и приемлемо, какъ и троеніе, каковой отвѣтъ ему патріарха и могъ быть понятъ имъ неправильно. Какъ бы то ни было, но Аѳанасій выступилъ противъ троенія псковичей за свое двоеніе, ссылаясь на Аѳонъ и на патріарха Іосифа. Онъ былъ человѣкъ весьма уважаемый, пустынноподвижникъ и строитель собственнаго общежительнаго монастыря, такъ что псковичи не могли заподозрить его, чтобы онъ лгалъ на грековъ или чтобы его ссылка на нихъ представляла какое-нибудь недоразумѣніе. Но, конечно, не могли они думать и о митрополитѣ Фотіи, предписаніе котораго о пѣсни аллилуія было понято у нихъ такъ, что единственно правильный и должный способъ ея возглашенія есть троеніе, предписывалъ имъ какой-либо иной способъ возглашенія, а не тотъ, который былъ въ его время у грековъ. Такимъ образомъ, ссылку Аѳанасія на грековъ

области (примѣры того, чтобы, по разнымъ причинамъ, люди строили монастыри не въ своихъ, а въ чужихъ, областяхъ, очень не малочисленны), — что онъ ввелъ въ своемъ монастырѣ двоеніе пѣсни и что затѣмъ или самъ началъ обличать псковичей за ихъ троеніе или наоборотъ отъ нихъ подвергся укоризнамъ за свое нововведеніе. Споръ Аѳанасія съ псковичами имѣлъ мѣсто послѣ взятія Константинополя турками въ 1453 г., ибо преобладающіе говорятъ объ этомъ событіи, между 1455 — 60 годами, такъ какъ митрополитъ Іона убѣждалъ псковичей прекратить какіе-то бывшіе у нихъ споры, по всей вѣроятности — наши о пѣсни аллилуія, въ посланіи отъ 1461 г. (у *Павлова* въ Памятникахъ каноническаго права, № 90, соі. 677), причѣмъ митрополитъ могъ скоро, а могъ и не очень скоро узнать о спорахъ.

*) Объ этомъ — въ особой статьѣ о пѣсни аллилуія, которая печатается велѣдъ за симъ.

въ защиту двоенія пѣсни аллилуія псковичи необходимо должны были понять такъ, что у грековъ послѣ митрополита Фотія принята новизна относительно возгласенія пѣсни аллилуія. Оставалось, слѣдовательно, рѣшить только вопросъ: откуда могла быть взята греками новизна. Въ промежутокъ времени между митрополитомъ Фотиємъ и выступленіемъ Аѳанасія противъ псковичей съ своимъ заявленіемъ, будто греки двоятъ пѣснь аллилуія, имѣлъ мѣсто флорентійскій соборъ (1438—39), на которомъ греки приняли было унію съ папою: какъ было не подумать псковичамъ, что эти соборъ и унія и были виновными въ новизнѣ грековъ или что греки заимствовали послѣднюю отъ латинянъ? Правда, они знали, что патріархъ Іосифъ, на котораго ссылался Аѳанасій, не возвратился съ собора въ Константинополь, чтобы имѣть возможность вводить въ немъ латинскія новизны, а умеръ на самомъ соборѣ (о чемъ прямо они сами говорили въ спорахъ съ Аѳанасіемъ); но не придумывая другаго источника, изъ котораго бы могла быть заимствована греками новизна, и въ то же время нисколько не сомнѣваясь, что дѣло идетъ о новизнѣ, вѣроятно, они представляли дѣло такимъ образомъ, что Іосифъ началъ заимствовать отъ латинянъ новизны еще до собора и до принятія формальной съ ними уніи. Такъ или иначе, но защитнику двоенія пѣсни аллилуія, ссылавшемуся на патріарха константинопольскаго Іосифа и на аѳонскихъ монаховъ, псковичи рѣшительно и самымъ рѣзкимъ тономъ отвѣчали, что онъ ссылается на людей, которые относительно вѣры уже развратились и отъ истины отвернулись (отвергнулись). Патріархъ Іосифъ, — говорили псковичи Аѳанасію, — съ русскимъ митрополитомъ Исидоромъ и съ папою римскимъ на этихъ годахъ („на сихъ лѣтѣхъ“) учинили во фряжскомъ городѣ Флоренціи 8-й (вселенскій) соборъ, которому вовсе не подобало быть, и за это патріархъ вскорѣ получилъ отмщеніе отъ праведнаго суда Божія, не возвратился на свой столъ; на этомъ соборѣ и было начало пагубы греческой земли, ибо на немъ греки къ своей гибели отвернулись отъ истины; а что ты приводишь слова Писанія: „яко отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне отъ Іерусалима“, то слова сии относятся къ апостоламъ и ихъ преемникамъ — святымъ патріархамъ, пынѣ же нужно ожи-

дать изъ Іерусалима только антихриста съ его пагубнымъ ученіемъ; ты развратился отъ греческія земли, но не подбало тебѣ принимать новаго ученія и вѣрить развращеннымъ грекамъ, а надлежало вѣрить святымъ отцамъ и киръ митрополиту Фотію, который написалъ намъ въ домъ св. Троицы во Псковѣ (то-есть относительно того, что должно трюить пѣснь аллилуія) *).

Въ первой половинѣ XV вѣка, когда псковичи на основаніи превратно понятнаго ими указа Фотіева, стояли за трюснїе пѣсни аллилуія, какъ за единственно правильную и православную форму ея возглашенія, а монахъ Аѳанасій, на основаніи составленнаго имъ ошибочнаго убѣжденія, выступилъ защитникомъ двоенія пѣсни, какъ таковой же единственно правильной и православной формы ея возглашенія, у грековъ на самомъ дѣлѣ оставались еще въ безразличномъ одновременномъ употребленіи обѣ формы возглашенія. Впослѣдствіи у грековъ вошла въ общее или единообразное употребленіе та форма, которая утвердилась было во Псковѣ на основаніи указа Фотіева, т.-е. трюеніе. Если бы послѣ Пскова эта форма вошла въ общее единообразное употребленіе и во всей Россіи: тогда обвиненіе псковичей на грековъ, будто относительно пѣсни аллилуія они заразились еретической новизной отъ латинянъ, оказалось бы простымъ недоразумѣніемъ. Но споры о пѣсни аллилуія кончились у насъ тѣмъ, что на основаніи свидѣтельства монаха Аѳанасія, которому посредствомъ фальсификаціи приданъ былъ гораздо большій авторитетъ, нежели какой имѣло оно въ устахъ его, и посредствомъ выдумки сверхъестественныхъ

*) См. посланія неизвѣстнаго псковича къ монаху Аѳанасію о пѣсни аллилуія, напечатанныя въ православномъ Собесѣдникѣ 1866 г., часть II, стр. 140—166 (Посланія эти, помѣщенныя въ Четъ — Минеяхъ митрополита Макарія, были усвоены, какъ усвоются и издателями, самому митрополиту Макарію, по какому-то весьма странному недоразумѣнію).— Если бы псковичи обратили свое вниманіе на то, что у нихъ самихъ передъ 1419 годомъ было трюеніе и двоеніе пѣсни аллилуія, вслѣдствіе чего они обращались съ своимъ вопросомъ къ митрополиту Фотію, то, нужно думать, они затруднились бы производить двоеніе отъ латинянъ и отъ флорентійскаго собора. Но они не обратили на это вниманія... (впрочемъ, можетъ быть, и на двоеніе, бывшее у нихъ, они смотрѣли какъ на заимствованіе отъ латинянъ).

откровений *), а всего болѣе потому, что въ данномъ случаѣ не выказалъ должной твердости духа для свидѣтельства о правдѣ преп. Максимъ Грекъ, за правильную и православную форму ея возглаголанія было признано не троеніе, а двоеніе. Такимъ образомъ, неправильной и неправославной была признана у насъ та форма, которая напротивъ у грековъ вошла въ общее употребленіе. А такимъ образомъ и случилось, что въ отношеніи къ пѣсни аллилуія греки оказались въ нашихъ глазахъ зараженными еретической новизной. Псковичи обвиняли грековъ въ заимствованіи имп отъ латинянъ ереси двоенія пѣсни. Но когда было у насъ рѣшено и принято, что ересь составляетъ не двоеніе, а троеніе: то, перемѣнивъ мнѣніе относительно вида ереси, но не перемѣняя мнѣнія относительно ея источника, у насъ начали обвинять грековъ въ заимствованіи ими отъ латинянъ троенія пѣсни **).

Что касается перстосложенія для крестнаго знаменія, то, какъ мы сказали, это послѣднее, бывъ ко времени обнаруженія нашихъ своеобразныхъ взглядовъ на обычаи церковные единообразнымъ у грековъ, не успѣло еще стать таковымъ у насъ самихъ.

Въ минуту принятія нами христіанства отъ грековъ, у сихъ послѣднихъ было въ общемъ употребленіи для крестнаго знаменія двоеперстіе, которое, разумѣется, заимствовали отъ нихъ и мы. Но въ продолженіе времени съ конца XII по вторую половину XIII вѣка вмѣсто двоеперстія у нихъ вошло въ общее употребленіе троеперстіе ***). Послѣ своего водворенія у грековъ троеперстіе начало распространяться и у насъ, чтобы замѣнить собою, какъ и у нихъ, бывшее дотолѣ двоеперстіе. Если бы оно успѣло войти у насъ въ общее употребленіе и сполна замѣнить собою двоеперстіе прежде, чѣмъ созрѣли и начали заявлять себя у насъ наши своеобразные взгляды на церковные обычаи: то эта смѣна у грековъ одной формы обычая другою ничѣмъ не отразилась бы у насъ и прошла бы или осталась бы

*) Разумѣемъ житіе преп. Евфросина псковскаго, которое есть поддѣлка въ болѣе обширномъ смыслѣ, нежели какъ это обыкновенно принимается. Рѣчь объ этомъ ниже, въ особой статьѣ о пѣсни аллилуія.

***) Стоглавый соборъ, окончательно рѣшившій споръ между троеніемъ и двоеніемъ въ пользу послѣдняго, — Стоглавника гл. 42.

****) Объ этомъ — въ печатаемой за симъ особой статьѣ о перстосложеніи.

незамѣченною, просто имѣвъ у насъ мѣсто, какъ и у нихъ. Но указаннаго не случилось, потому что не успѣло случиться, и къ тому времени, какъ созрѣли наши своеобразные взгляды на обычаи, дѣло съ сложениемъ перстовъ для крестнаго знаменія оказалось у насъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ было и съ возглашеніемъ пѣсни аллилуія, именно — что одновременно находились у насъ въ употребленіи два способа сложения перстовъ — двоеперстіе и троеперстіе. Опять имѣлъ быть поставленъ и дѣйствительно былъ поставленъ вопросъ: которое изъ двухъ перстосложений есть истинное и православное, которое есть неистинное и еретическое. Но и опять, какъ въ отношеніи къ пѣсни аллилуія, случилось, что отчасти на основаніи неправильно понятыхъ свидѣтельствъ только археологическихъ, а не историческихъ (относившихся къ минувшему времени), отчасти на основаніи свидѣтельствъ выдуманныхъ, вопросъ рѣшенъ былъ не въ пользу того способа сложения, который былъ господствующимъ у грековъ. Благодаря этой второй случайности явилась у насъ вторая мнимая ересь грековъ, легкое объясненіе относительно источника которой заключалось въ томъ же, чтобы производить ее отъ латинянъ. Если не во всей Россіи, то во Псковѣ, вопросъ о сложении перстовъ для крестнаго знаменія рѣшенъ былъ въ пользу двоеперстія, уже къ тому времени, какъ происходили споры съ монахомъ Аванасіемъ о пѣсни аллилуія, и псковичи говорили послѣднему, что какъ въ отношеніи къ пѣсни греки на сихъ лѣтѣхъ отвернулись отъ истины, чтобы не исповѣдывать Троицы (двоеніемъ), такъ и относительно крестнаго знаменія приняли печать антихристову на чело и на десницу *).

*) Въ одномъ изъ посланій неизвѣстнаго псковича къ монаху Аванасію говорится: „печать антихристову (греки) на челѣ и на десници пріяша, нѣсть (бо) сіе ино что печать антихристова, развѣ не полагаги десници на челѣ и не знаменовати честнаго и животворящаго креста Христова“, стр. 143 нач. Такъ какъ обвиненіе на грековъ, будто они не полагали десницы на челѣ и не знаменовались честнымъ крестомъ, было бы совершенно несообразностію: то необходимо понимать рѣчь, намѣреннымъ или ненамѣреннымъ образомъ усиленную (а можетъ быть, извѣстную намъ въ поврежденномъ чтеніи, съ пропускомъ при глаголахъ: „не полагати“ и „не знаменати“ нарѣчія: „право“) о крестномъ знаменіи неправильномъ. А подъ этимъ неправильнымъ крестнымъ знаменіемъ должно разумѣть троеперстіе, ибо оно было тогда у грековъ въ общемъ употребленіи.

Итакъ, предки наши, въ слѣдствіе отсутствія у нихъ просвѣщенія, образовали себѣ такой своеобразный взглядъ на церковные обычаи, который, приравнивая обычаи по ихъ важности и значенію къ догматамъ вѣры, допускалъ для каждаго изъ нихъ только одну форму, какъ истинную и православную форму. Между тѣмъ, къ тому времени, какъ созрѣлъ своеобразный взглядъ нашихъ предковъ на обычаи *), у грековъ, а въ слѣдъ за ними и у насъ, оставались еще въ безразличномъ употребленіи для возгласенія пѣсни аллилуія двѣ формы — двосніе и троеніе, а отдѣльно у насъ самихъ находились еще въ одновременномъ употребленіи двѣ формы перстосложенія для крестнаго знаменія — двоеперстіе и троеперстіе. Сообразно своему взгляду на обычаи предки наши должны были признать и провозгласить въ обоихъ случаяхъ одну форму за истинную и православную, а другую за неистинную и еретическую. Случилось такъ, что въ отношеніи къ пѣсни аллилуія за истинную они признали ту форму, которая была потомъ оставлена у грековъ, а за неистинную признали ту форму, которая вошла у нихъ въ общее употребленіе, и что въ отношеніи къ сложенію перстовъ для крестнаго знаменія за истинную признали ту форму, которая уже давно была оставлена у грековъ, а за неистинную признали ту форму, которая была принята у нихъ въ употребленіе на мѣсто оставленной. По взгляду предковъ нашихъ это значило, что въ обоихъ случаяхъ греки усвоили себѣ еретическія новшества, а при этомъ обстоятельства времени дали имъ поводъ видѣть еретиковъ, отъ которыхъ греки будто бы заразились своими новшествами, въ латинянахъ.

Относительно двухъ частныхъ случаевъ предки наши составили себѣ убѣжденіе, будто позднѣйшіе греки отступили

*) Мы сказали выше, что своеобразный взглядъ нашихъ предковъ на обычаи церковные впервые заявилъ себя въ началѣ XV вѣка. Это начало XV в. должно быть принимаемо не за время общаго распространенія взгляда между нашими богословами, а за время его перваго между ними обнаруженія, за которымъ уже послѣдовало распространеніе. Окончательно созрѣлъ и утвердился у насъ нашъ своеобразный взглядъ, представлявшій собою нашу своеобразную богословію, къ половинѣ XVI вѣка. При этомъ, что касается до исторіи его провозгласенія, то впереди или частные богословы и только уже за ними церковная власть съ своимъ официальнымъ голосомъ.

отъ чистоты православія древнихъ грековъ и усвоили себѣ латинскія еретическія новизны. Но мы разрознились съ греками не въ отношеніи только къ двумъ помянутымъ случаямъ. Съ одной стороны, мы приняли отъ нихъ христіанство, когда еще вся вообще обрядность не имѣла у нихъ полного однообразія и находилась еще въ состояніи образованія, по каковой причинѣ, при дальнѣйшемъ водвореніи единообразія и законченности у нихъ и у насъ, нѣкоторое разрозненіе между ними и нами въ обрядовыхъ частностяхъ было дѣломъ неизбѣжнымъ; а съ другой стороны, у насъ допущены были нѣкоторыя и прямыя новизны противъ нихъ, равно какъ и нѣкоторыя непохвальныя вольности. Во всемъ этомъ, придавая съ нашей точки зрѣнія и неважнымъ разностямъ весьма важное значеніе, мы должны были винить кого-нибудь, себя или грековъ, и, конечно, обвиняли не себя, а грековъ, послѣ того какъ допущеніе ими мнимыхъ еретическихъ новшествъ относительно двухъ указанныхъ случаевъ было признано у насъ за несомнѣнное. А такимъ образомъ, предки наши начали обвинять позднѣйшихъ грековъ въ отступленіи отъ чистоты православія древнихъ грековъ не только въ отношеніи къ двумъ указаннымъ пунктамъ, но и къ довольно многому другому. Вообще, у насъ дѣло начало быть представляемо такъ, что все, чѣмъ греки рознятся отъ насъ, составляетъ ихъ еретическія и погрѣшительныя новизны; иначе сказать, дѣло начало быть представляемо у насъ такъ, что мы-русскіе неизмѣнно хранимъ чистоту православія древнихъ грековъ, а позднѣйшіе греки болѣе или менѣе отступили отъ этой чистоты *).

*) Что касается до богослужебныхъ книгъ съ порядкомъ и составомъ ихъ чинопослѣдованій и ихъ текстомъ: то здѣсь вопросъ о разрозненіи грековъ съ нами и обвиненій на нихъ въ допущеніи ими новшествъ могли подняться у насъ только гораздо позднѣе, при чемъ было не такъ, чтобы это разрозненіе было причиной, по которой мы обвинили грековъ въ отступленіи отъ чистоты православія, а такъ, что, уже имѣя прежде составленное или готовое убѣжденіе въ отступленіи грековъ отъ чистоты православія, мы объясняли себѣ его (разрозненіе) этимъ послѣднимъ. Въ минуту принятія нами христіанства богослужебныя книги грековъ отличались большимъ разнообразіемъ относительно частностей, каковое разнообразіе и оставалось у нихъ до самаго начала печатанія книгъ, при помощи котораго введено было въ нихъ единообразіе. Отъ грековъ разнообразіе частей въ значительной мѣрѣ перешло и къ намъ и конецъ этому разнооб-

Взводя на позднѣйшихъ грековъ такое тяжкое обвиненіе, какъ измѣна чистотѣ православія древнихъ грековъ, люди, повидимому, должны были смущаться слишкомъ большою невѣроятностію предположенія, чтобы позднѣйшіе греки допустили и способны были допустить подобную измѣну. Но при своемъ взглядѣ на церковные обычаи и при сложившихся обстоятельствахъ русскіе необходимо должны были обвинять грековъ за измѣну православію (ибо иначе они должны были бы признавать еретиками самихъ себя); къ успокоенію же смущенія и разрѣшенію недоумѣнія служилъ для предковъ нашихъ ихъ особенный и своеобразный взглядъ на другой предметъ, разумѣемъ — христіанское благочестіе. Отсутствіе у насъ просвѣщенія имѣло по отношенію къ вѣрѣ своимъ слѣдствіемъ то, что обряды и обычаи церковные мы приравняли къ догматамъ вѣры; но оно имѣло свои особенныя слѣдствія и по отношенію къ благочестію, а именно — что мы вдались въ крайность такъ называемой наружной набожности и начали главнымъ образомъ полагать благочестіе, въ ущербъ истинному благочестію — христіанской жизни, въ усердіи къ наружной молитвѣ и къ благоуукрашенію мѣстъ общественной наружной молитвы — храмовъ, въ строгомъ наблюденіи постовъ и въ прилежномъ посѣщеніи святыхъ мѣстъ *), при чемъ съ нашей точки зрѣнія на благочестіе мы дѣйствительно стали людьми весьма благочестивыми. Но греки никогда не впадали въ нашу крайность и относительно наружной набожности далеко отставали и отстаютъ отъ насъ, въ чемъ и сами вполне со-

разію и у насъ могъ быть положенъ только посредствомъ книгопечатанія. Пока отсутствовало единообразіе въ самыхъ русскихъ книгахъ, до тѣхъ поръ, очевидно, не могло имѣть мѣста и обвиненіе на грековъ въ отступленіи по отношенію къ книгамъ отъ чистоты православія, потому что у насъ самихъ не было того, въ недостатокъ чего можно было бы ихъ обвинять (т. е. этого единообразія). Посредствомъ книгопечатанія греки ввели у себя одинъ видъ единообразія, а мы, дѣйствовавъ независимо отъ нихъ, ибо были уже предъубѣждены противъ нихъ, — нѣсколько другой. Тогда, при установившейся дѣйствительной розни между нашими и греческими книгами, мы и начали объяснять эту рознь въ отношеніи къ книгамъ съ помощью уже готоваго, прежде составленнаго, убѣжденія въ поврежденности чистоты православія у грековъ.

*) Пусть припомнитъ читатель явленія этому нашему благочестію со стороны преп. Максима Грека.

знавались и сознаются (называвъ и называя, отчасти съ уваженіемъ, а больше съ ироніей, нашу Москву благочестивою Москвою). Не видя у современныхъ себѣ грековъ въ достаточной мѣрѣ своего благочестія, предки наши, не считавшіе, конечно, этого своего благочестія за собственное созданіе, а производившіе его вмѣстѣ съ вѣрою именно отъ грековъ же, заключали, что позднѣйшіе греки утратили благочестіе древнихъ грековъ. Если же люди способны были утратить древнее благочестіе своихъ отцовъ (какъ думали о грекахъ наши предки), то, конечно, возможно было для нихъ и отъ нихъ и то, чтобы они утратили чистоту древняго отеческаго православія. При этомъ, сами позднѣйшіе греки какъ бы нарочно постарались до послѣдней степени уронить себя въ глазахъ предковъ нашихъ со стороны въ точномъ смыслѣ нравственной. Поставленіе въ митрополиты московскіе самозванца Пимина (весьма неправильно и очень наивно у насъ понимаемое, при чемъ въ дѣйствительности главная вина была не на нашихъ послахъ, а на нихъ — грекахъ) составляло такое вопіющее съ ихъ стороны дѣяніе, что самая патріархія константинопольская должна была представляться предкамъ нашимъ не иначе, какъ глубоко въ нравственномъ смыслѣ упадшею противъ древняго времени *).

По если это было такъ по отношенію къ грекамъ, то наоборотъ вѣрованіе предковъ нашихъ, что они суть неизмѣнные хранители чистоты православія древнихъ грековъ, находило себѣ подтвержденіе и укрѣпленіе въ случившихся политическихъ событіяхъ и въ тѣхъ взглядахъ, которые образовались у нашихъ предковъ по поводу событій. Разумѣемъ взятіе Константинополя турками и тотъ взглядъ, который, въ слѣдствіе этого взятія, образовался у предковъ нашихъ на свою Москву. Послѣ взятія турками Константинополя, который принимаемъ былъ за второй православный Римъ, имѣвшій своею миссіею охранять на землѣ православіе, предки наши начали смотрѣть на Москву, какъ

*) Сынь и пресмникъ Дмитрія Ивановича Донскаго, при которомъ упомянутое дѣяніе имѣло мѣсто, Василій Дмитріевичъ, какъ доносилъ въ Константинополь митр. Кириіанъ, пренебрегаль (презираль, *πριεφρόνει*) и императора и патріарха, см. Acta Patriarchatus Constantinopolitani *Миклошича*, t. II, p. 189, съ русскимъ переводомъ у *Павлова* въ Памятн., втораго счета col. 269.

на третій Римъ, на который перенесена была съ Константинополя сейчасъ указанная миссія (извѣстный взглядъ, о которомъ не считаемъ нужнымъ распространяться). Но если Москвѣ сужденъ и ввѣренъ былъ жребій быть охранительницею на землѣ православія: то, конечно, уже черезъ это признавалось и свидѣтельствовалось, что она сохраняла чистоту православія (ибо какъ было бы ввѣрено ей охраненіе православія, еслибы сама она не сохраняла его?).

Своеобразный взглядъ на церковные обычаи, какъ мы сказали, сталъ у насъ взглядомъ не только низшей части общества, составляющей такъ называемый простой народъ, но и всего вообще общества, потому что у насъ не только былъ необразованъ простой народъ, но отсутствовало просвѣщеніе и во всемъ обществѣ. Слѣдовательно, и вытекавшее изъ нашего взгляда на церковные обряды убѣжденіе относительно позднѣйшихъ грековъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, должно было стать у насъ общимъ убѣжденіемъ. Этимъ общимъ убѣжденіемъ дѣйствительно оно и стало. Но флорентійскій соборъ создалъ такія церковныя обстоятельства, а вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшее взятіе Константинополя турками создало такія церковныя и вмѣстѣ государственныя обстоятельства, что правительство наше не только не старалось задерживать заявленія нашими богословами ихъ новообразовавшихся взглядовъ, но побуждаемое своими практическими цѣлями, даже восхитило у нихъ инициативу въ семь случаевъ и, успѣвъ уже или не успѣвъ еще искреннимъ образомъ усвоить ихъ взгляды, нѣсколько прежде нихъ начало утверждать и проповѣдывать о грекахъ, будто флорентійскій соборъ и взятіе Константинополя турками повредили и изрушили у нихъ православіе.

Послѣ бѣгства Исидора изъ Москвы новый митрополитъ св. Иона былъ поставленъ русскими въ самой Москвѣ и безъ дозволенія отъ патріарха. Причиной самоволія было то, что патріархъ былъ уніатъ *). Но русскимъ казалось

*) Объявивъ еретикомъ и свергнувъ Исидора, русскіе должны были бы объявить еретикомъ и патріарха-уніата, съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ признанія его власти. Но на это послѣднее предки наши не рѣшились. Не отвергая власть патріарха-уніата, они только хотѣли, чтобы ихъ православный митрополитъ не былъ поставленъ руками этого патріарха, по

недостаточнымъ ссылаться только на одну эту причину и они въ оправданіе допущеннаго ими своеволія представляли дѣло такъ, будто послѣ флорентійскаго собора въ Константинополь вообще изрушилось православіе. Митрополитъ Іона въ своемъ извѣстительномъ посланіи въ Литву о своемъ поставленіи въ митрополиты, оправдывая то, что онъ поставленъ въ самой Москвѣ и безъ дозволенія патріарха, говоритъ, что „коли было въ Цариградѣ православіе, (до тѣхъ поръ) и (великіе князья московскіе) оттуда пріимали благословеніе и митрополита“, а что нынѣ, когда — подразумѣвается — въ Цариградѣ православіе изрушилося, великій князь самъ приказалъ поставить его въ митрополиты *). Въ посланіи собора московскихъ епископовъ къ собору литовскихъ епископовъ по случаю прихода въ Литву митрополита-уніата Григорія, въ объясненіе и оправданіе того же самовольнаго поставленія Іоны въ митрополиты самимъ великимъ княземъ, утверждается, будто „нынѣ цариградская церковь покалебалася, отъ нашего православія отступила“ **).

Попытка Исидора ввести въ Москвѣ флорентійскую унію кончилась тѣмъ, что онъ съ позоромъ долженъ былъ бѣжать изъ нея въ Римъ къ папѣ. Но папа не пришолъ въ совершенное отчаяніе отъ такого исхода дѣла. Выждавъ времени и дождавшись благопріятныхъ обстоятельствъ, спустя 17 лѣтъ послѣ бѣгства Исидорова, въ 1458 году, онъ поставилъ въ митрополиты кievскіе и всея Руси ученика Исидорова, сейчасъ помянутаго Григорія, съ тѣмъ, чтобы этотъ занялъ если не всю русекую митрополию, то по крайней мѣрѣ подвѣдомую королю польскому литовскую ея часть.

ихъ мнѣнію, впавшаго въ ересь (хотя ими и признаваемаго!). Не успѣвъ получить отъ патріарха дозволеніе поставить митрополита самимъ, они рѣшились наконецъ на самоволіе.

*) Посланіе въ Памятн. *Павлова*, № 64, col. 540, ср. другое посланіе Іоны къ литовскимъ епископамъ, *ibid.* № 87, col. 646, въ которомъ онъ говоритъ о своемъ путешествіи въ Константинополь до поставленія Исидорова: „достигохъ Царствующаго града цвѣтущаго въ *прежнемъ* благочестіи греческаго православія“; а что у насъ очень хорошо было извѣстно дѣйствительное положеніе дѣлъ въ Константинополь послѣ флорентійскаго собора, т. е. что унія вовсе не было принята тамъ духовенствомъ и народомъ, см. еще посланіе Іоны въ Литву, *ibid.* № 66, col. 558 fin.

**) Въ Памятн. *Павлова* № 84, col. 633 fin.

Въ виду такихъ, неожиданно явившихся, опасностей, какъ потеря каѳедроу митрополіи всея Россіи ея литовской половины и водвореніе въ литовской Руси уніи, съ чѣмъ являлась бы опасность отъ послѣдней и для самой Руси московской, на Москвѣ митрополитомъ всея Россіи Іоною приняты были самыя усиленныя старанія о томъ, чтобы убѣдить литовскихъ русскихъ не признавать Григорія. Съ этою цѣлю Іона написалъ въ Литву цѣлый рядъ посланій и отъ своего собственнаго лица и отъ собора московскихъ епископовъ. Въ этихъ посланіяхъ, какъ одно изъ рѣшительныхъ средствъ убѣжденія не измѣнять православію, находимъ указаніе на то, какому бѣдствію подвергся Царствующій градъ или Константинополь, когда отступилъ отъ благочестія, т. е. отъ православія, подразумѣвается — на флорентійскомъ соборѣ. Въ одномъ изъ собственныхъ посланій Іоны читаемъ: „сами вѣсте, сынове, колику прежде бѣду подъя Царствующій градъ отъ болгаръ, также отъ персъ: яко въ мрежахъ дръжаще (—ху) его семь лѣтъ; но донелѣже дръжаху, сынове, благочестіе, ничтоже градъ не пострада; егда же своего благочестія отступи(ша), вѣсте, что пострадаше (—а, т. е. отъ турокъ), какова плѣненія и смерти различныа быша, о душахъ же ихъ Богъ вѣсть единъ“ *).

Св. Іона былъ поставленъ въ митрополиты у себя на Москвѣ и своими епископами потому, что въ Константинополѣ каѳедру патріаршую занимали уніаты; но при этомъ еще не было рѣшено, чтобы и всегда такъ поступать на будущее время. Когда же въ его бытность митрополитомъ Константинополь взяли турки (1453 г.), русскими немедленно было принято это послѣднее рѣшеніе. Побужденія при этомъ были у нихъ двухъ родовъ, заключавшіяся, съ одной стороны, въ томъ, чтобы устранить нежелаемое, а съ другой стороны — чтобы удовлетворить собственнымъ притязаніямъ. Какъ императоръ греческій былъ мірскимъ главою патріарха константинопольскаго, утверждалъ его въ его званіи и возлагалъ на него отличія (инсигнії) послѣдняго, такъ этимъ же мірскимъ главою сталъ по отношенію къ нему и указанное началъ дѣлать и султанъ, въ слѣд-

*) Въ Памятн. Павлова, № 81, соі. 623.

ствіе чего патріархъ превратился теперь въ раба христоненавистнаго бусурмана. Но у русскихъ не могло быть желанія, чтобы ихъ митрополитъ получалъ посвященіе отъ этого раба бусурмана, — чтобы бусурманская скверна, которую султанъ сообщалъ своими руками патріарху, переходила и на митрополита и чтобы чрезъ рабство патріарха султану и они сами до нѣкоторой степени становились рабами этого ненавистника креста Христова. И дѣло шло тутъ не объ однихъ отвлеченныхъ понятіяхъ и мнѣніяхъ, но и объ осязаемой дѣйствительности, ибо митрополитъ русскій, имѣвшій отправляться — предполагая, что онъ былъ бы избираемъ дома — для посвященія въ Константинополь, обладаемый турками, долженъ былъ бы имѣть непосредственныя сношенія съ чиновниками турецкими, въ вѣдѣніи которыхъ находился патріархъ съ церковію, могъ бы быть требуемъ для непосредственныхъ представленій самому султану, который могъ видимымъ образомъ поставить дѣло такъ, чтобы онъ-митрополитъ казался такимъ же рабомъ его, какъ и самъ патріархъ, чрезъ что могли бы быть изъясняемы султаномъ нѣкоторыя притязанія на верховенство и надъ самимъ великимъ княземъ. Такимъ образомъ, русскіе должны были гнущаться мыслью, чтобы ихъ митрополитъ ходилъ для посвященія въ Константинополь, послѣ того какъ послѣдній достался въ невѣрныя и скверныя руки мусульманъ-турокъ, и должны были находить это невозможнымъ по весьма важнымъ соображеніямъ и осязаемо практическимъ. Другое и противоположнаго свойства побужденіе желать, чтобы послѣ взятія Константинополя турками митрополиты наши стали фактически независимыми отъ патріарховъ константинопольскихъ, заключалось для предковъ нашихъ въ явившемся у нихъ послѣ паденія Константинополя указанномъ взглядѣ ихъ на свою Москву, какъ на третій православный Римъ, предназначенный охранять на землѣ Христову церковъ. Если послѣ паденія Константинополя Москва заняла это высокое положеніе въ христіанскомъ мірѣ: то какъ же ея митрополиты могли оставаться зависимыми отъ нѣ и получать себѣ посвященіе именно тамъ, гдѣ водворился врагъ креста Христова? Предки наши при своемъ мнѣніи о новомъ высокомъ положеніи ихъ государства должны были бы желать совершенной не-

зависимости своей церкви, съ учрежденіемъ въ ней самостоятельнаго патріаршества. Но это послѣднее желаніе во все еще не приходило имъ на умъ. Они не шли на этомъ пути далѣе желанія фактической независимости ихъ митрополита отъ патріарха. Таковую фактическую независимость отъ патріарха, по указаннымъ нами побужденіямъ, русскіе и рѣшили доставить своему митрополиту послѣ взятія Константинополя турками. Первоначально у насъ не хотѣли было самостоятельнымъ образомъ присвоить митрополитамъ фактической независимости или права поставляться имъ въ самой Россіи и обращались было съ просьбою объ этомъ къ патріарху, и только, не получивъ отъ патріарха удовлетворенія своей просьбы, увидѣли себя вынужденными поступить самовольно *). Но необходимо думать, что правительство смущалось своимъ своеволіемъ, что оно видѣло или предполагало неодобреніе своему поведенію со стороны самихъ русскихъ **), и оно сочло за нужное оправдать себя передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ и вмѣстѣ дать ему тонъ или направить его желаемымъ для себя образомъ. Это сдѣлало оно такъ, что по поводу поставленія пресмника Іонина митрополита Θεодосія оно выдало списаніе, подъ заглавіемъ: „Слово избранно отъ святыхъ писаній, еже на латыню“ и пр. (заглавіе очень длинное), которое представляетъ своего рода политическую брошюру оффиціального или оффиціознаго происхожденія, имѣющую свою цѣлю и задачу показать, что русскіе законно и по уважительнымъ причинамъ поступили такъ, какъ они поступили. Право русскихъ имѣть митрополита фактически независимаго отъ патріарха или такъ сказать — автокефальнаго, хотя бы то, подразумѣвается, и вопреки грековъ, въ словѣ доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что русскій государь, будучи постоянно называемъ въ немъ благовѣрнымъ

*) Съ просьбою обращался митр. Іона къ патр. Геннадію; что со стороны Геннадія не послѣдовало удовлетворенія просьбы, видно изъ послѣдующаго заявленія патр. Діонисія, о которомъ ниже.

**) Что св. Іону, поставленнаго въ митрополиты въ самой Россіи и безъ дозволенія патріарха, нѣкоторые русскіе не признавали законнымъ митрополитомъ, это мы знаемъ положительно (изъ разсказа преп. Іосифа Волоколамскаго о ссорѣ Іоны съ Пафнугіемъ Боровскимъ).

и боговѣнчаннымъ царемъ *) и будучи величаемъ въ немъ титулами споспѣшника благочестію истиннаго православія, высочайшаго исходатая благовѣрія, хотя и не совѣмъ открытою, но несомнѣнно — вполне понятною для современниковъ рѣчию, выдается за преемника императоровъ византійскихъ; во-вторыхъ, тѣмъ, что въ словѣ говорится о просіявшемъ въ русской землѣ благочестіи и что ей, русской землѣ, подобаетъ во вселеннѣй и подъ солнечнымъ сіяніемъ радоваться, поелику она одѣялась свѣтомъ благочестія, имѣетъ покровъ Божій на себѣ, многосвѣтлую благодать Господню и исполнилась цвѣтовъ благообразнѣ цвѣтущихъ Божіихъ храмовъ, якоже звѣздъ сіяющихъ святыхъ церквей, якоже солнечныхъ лучъ блестящихся, благолѣпіемъ украшаемыхъ и соборомъ святаго пѣнія величаемыхъ (при чемъ читатель молча приглашается производить сравненіе между нами и греками, подпавшими власти турокъ), и наконецъ прямо говорится, что въ Россіи — „большее православіе и высшее христіанство“, хотя безъ прибавляемаго прямо, но съ ясно подразумеваемымъ: чѣмъ въ Греціи **).

Поставленный по приказанію папы митрополитъ-уніатъ Григорій, о которомъ говорили мы выше, прибывъ въ Литву въ 1458 или 1459 г., въ продолженіе 11 или 12 лѣтъ оставался въ ней уніатомъ, неизвѣстно — насколько бывъ признаваемъ литовско-русскими православными епископами; но въ 1470 году онъ рѣшился возвратиться къ православію и отправилъ въ Константинополь къ патріарху своего посла съ изъявленіемъ своего желанія и съ просьбою, чтобы патріархъ призналъ и утвердилъ его въ санѣ митрополита русскаго. Патріархъ Сүмеонъ Трапезундскій, къ которому отправленъ былъ посолъ, или отказалъ въ просьбѣ или, можетъ быть, не успѣлъ исполнить ее, такъ какъ занималъ каеэдру патріаршую весьма недолгое время. По пріемникъ Сүмеона Діонисій, склоненный, какъ увѣряютъ наши извѣстія, великими дарами Григорія, воссоединилъ его съ православіемъ, утвердилъ въ санѣ митрополита не только

*) И митр. Иона въ одномъ изъ своихъ посланій называетъ вел. кн. Василія Васильевича царемъ, — въ Памятн. *Павл.* № 90, col. 673.

**) Слово напечатано въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ *А. Попова*, стр. 360 sqq.

литовскаго, но и всея Руси, и отправилъ за него своего посла не только въ Литву, но и въ Москву и въ Новгородъ, съ повелѣніемъ и въ эти два послѣднія мѣста, чтобы его признали своимъ митрополитомъ, а чтобы митрополита, поставленнаго въ самой Москвѣ, отстранили, какъ незаконнаго и непризнаваемаго Константинопольскою церквію *). Когда вел. кн. Иванъ Васильевичъ узналъ о дѣяніи патріарха и что его посолъ идетъ на Русь, то немедленно созвалъ въ Москвѣ соборъ изъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего священства, и на соборѣ было приговорено, чтобы пословъ патріаршаго и Григоріева не пущать и въ московскую землю и чтобы имѣть самаго патріарха, не заботясь объ его благословеніи или неблагословеніи, „чужа отъ себя и отреченна“. Въ оправданіе своего формальнаго отреченія отъ патріарха великій князь приводитъ то, что будто бы по признанію самихъ патріарховъ православіе у грековъ въ слѣдствіе взятія Константинополя турками уже изрушилось. Въ своемъ посланіи къ новгородскому архіепископу по поводу нашего дѣла великій князь увѣряетъ, будто патріархъ Сүмеонъ (называемый въ посланіи Симономъ), къ которому прибылъ посолъ Григоріевъ, отказывая послу въ просьбѣ, мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что „язъ самъ живу въ убожествѣ, въ бесерменскихъ рукахъ, въ чужой неволѣ, а наше ся уже православіе изрушило“ **).

Въ 1474 или 1475 г. патріархъ Константинопольскій Рафаиль, бывъ ли самъ подкупленъ или исполняя приказаніе подкупленнаго султана, поставивъ въ митрополиты литовскіе, на мѣсто умершаго Григорія, самозваннаго, не прошеннаго литовскими русскими, кандидата, нѣкоего тверскаго монаха, по имени Спиридона Сатану (авантюриста очень умнаго и ловкаго и, вѣроятно, богатаго). Когда московскими русскими было узнано объ этомъ ноставленіи, то у нихъ возникло опасеніе, чтобы патріархъ съ султаномъ не вздумали навязывать своихъ митрополитовъ и имъ и противъ возможности сего принята была на Москвѣ та мѣра, что въ такъ называемыя повольныя (собственно: общитель-

*) См. у *проев. Макарія* въ Ист., IX, 36 sqq.

**) Въ *Памятн. Павлова* № 100, col. 711.

ныя въ смыслѣ: давать обязательство) грамоты, которыя даваемы были новопоставленными епископами митрополиту, внесено было формальное обязательство не принимать митрополитовъ, посвященныхъ въ Константинополь, какъ утратившемъ — подразумѣвалось — православіе. Спиридонъ прибылъ въ Литву, облеченный отъ патріарха саномъ ея митрополита, въ 1476 г., а въ повольной грамотѣ митрополиту Геронтію тверскаго епископа Вассіана, поставленнаго 6 декабря 1477 г., читается: „а къ Спиридону, нарицаемому Сатанѣ, взыскавшаго (— шему) во Цариградѣ поставленіа, во области безбожныхъ турокъ, отъ поганаго царя, или кто будетъ иный митрополитъ поставленъ отъ латыни или отъ турскаго области, не приступати мнѣ къ нему, ни приобщеніа ни соединеніа ми съ нимъ не имѣти никакова“ *).

Вызванная обстоятельствами намѣренная проповѣдь правительства, будто послѣ собора флорентійскаго и взятія турками Константинополя изрушилось у грековъ православіе, какъ мы сказали, нѣсколько предупредила собою убѣжденную проповѣдь нашихъ богослововъ, будто послѣ собора греки заразились отъ латинянъ ихъ еретическими новшествами въ отношеніи къ пѣсни аллилуія и къ сложенію перстовъ для крестнаго знаменія. Очень можетъ быть, что проповѣдь правительства дала нашимъ богословамъ мужество впервые высказать ихъ убѣжденіе. Но во всякомъ случаѣ эта проповѣдь, хотя и прекратившаяся по минованіи въ ней нужды, должна была весьма сильно содѣйствовать тому, чтобы укрѣпить дѣйствительное или искреннее мнѣніе русскихъ о поврежденности чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ.

Повидимому, совершенно несостоятельно было утверждать, будто турки изрушили у грековъ православіе, ибо турки, будучи не христіанами, а мусульманами или иновѣрцами, могли заставить грековъ принять свою вѣру вмѣсто христіанства, но не могли изрушить у нихъ, т.-е. исказить, заразить ересями само православное христіанство. Но турки дѣйствительно изрушили у грековъ православіе въ томъ смыслѣ, что отняли у нихъ ихъ благолѣпныя церкви, до-

*) См. у *Павлова* въ Памятн. col. 683, прим. 2.

зволивъ имъ строить новыя церкви только въ видѣ сараевъ и лачугъ, не имѣющихъ на себѣ крестовъ, и что стѣснили у нихъ свободу богослуженія, запретивъ имъ торжественныя и открытыя церемоніи (и, какъ утверждалъ Иванъ Васильевичъ въ помянутомъ выше посланіи въ Новгородъ, будто бы запретивъ имъ звонъ, котораго у нихъ однако не было, такъ какъ звонъ составляетъ у насъ своего рода латинскую ересь, бывъ заимствованъ нами съ Запада), и вотъ, заставляя людей, дѣйствительно склонныхъ поставлять сейчасъ указанное въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ самымъ существомъ вѣры, думать такъ, что съ этимъ могло погибнуть и все, правительство и утверждало, будто турки изрушили у грековъ православіе и въ собственномъ смыслѣ этого слова...

Представляется въ свою очередь, повидимому, недоумѣнною и убѣжденная проповѣдь нашихъ богослововъ относительно объясненія послѣдними того, какъ исчезла у позднѣйшихъ грековъ чистота православія древнихъ грековъ. Богословы наши объяснили это исчезновеніе не однимъ чѣмъ-нибудь, но однимъ, и другимъ, и третьимъ: сначала они, ссылались на флорентійскій соборъ, потомъ начали ссылаться — съ одной стороны, на это, указанное правительствомъ, взятіе Константинополя турками, съ другой стороны — на то, что греки печатали свои книги въ латинскихъ земляхъ и что латиняне будто бы получили при этомъ возможность вмѣщать въ ихъ книги свои ереси, а также ссылались и на кое-что другое. Но на самомъ дѣлѣ въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Предки наши составили себѣ убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, не на основаніи какихъ-нибудь дѣйствительныхъ данныхъ, на которыя однѣ въ такомъ случаѣ они и указывали бы, а въ слѣдствіе того, что у нихъ образовался своеобразный взглядъ на обычаи церковныя и что относительно послѣднихъ мы разрознились съ греками, иначе сказать, что они составили себѣ убѣжденіе путемъ теоретическимъ и апріорическимъ, внѣ всякой зависимости отъ какой-либо дѣйствительности. На основаніи ихъ своеобразнаго взгляда на обычаи, съ присоединеніемъ того обстоятельства, что мы разрознились съ греками относительно послѣднихъ, для нихъ составляло

несомнѣнный фактъ, что отъ кого-то и какъ-то позднѣйшіе греки заразились еретическими новшествами и что кто-то и какъ-то изрушилъ у нихъ чистоту древняго православія (обычай можетъ имѣть только одну православную форму; но у грековъ нѣкоторые обычаи имѣли другую форму противъ насъ; слѣдовательно — эту другую, еретическую, форму греки заимствовали отъ кого-нибудь и какъ-нибудь). Несомнѣнный самъ по себѣ фактъ нужно было объяснять какъ-нибудь, т.-е. чѣмъ-нибудь внѣшнимъ: оказалось возможнымъ сослаться на флорентійскій соборъ, и предки наши сослались на него; явилась возможность сослаться на взятіе Константинополя турками, на печатаніе греками книгъ въ латинскихъ земляхъ, — и предки наши начали сослаться на то и на другое. Не будь собора флорентійскаго, не будь взятія Константинополя турками и печатанія греками книгъ въ латинскихъ земляхъ, поврежденіе чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ оставалось бы для предковъ нашихъ все равно и все таки несомнѣннымъ фактомъ и только въ объясненіе его они сослались бы на чтонибудь другое. Однимъ словомъ, несомнѣнный для предковъ нашихъ самъ по себѣ фактъ поврежденія чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ нужно было объяснять чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, поэтому они и готовы были и искали объяснять его всеѣмъ, чѣмъ представлялось возможнымъ, т.-е. болѣе или менѣе вѣроятнымъ.

Итакъ, въ половинѣ XV вѣка, по поводу пѣсни аллилуія и сложенія перстовъ для крестнаго знаменія, у предковъ нашихъ составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ. Это убѣжденіе съ половины XV вѣка и осталось твердымъ и общимъ убѣжденіемъ нашихъ предковъ до самаго патріарха Никона.

Существованіемъ именно этого убѣжденія объясняется то недоумѣнное, чтò представляетъ исторія бывшихъ у насъ послѣ половины XV вѣка споровъ о церковныхъ обычаяхъ и упорядоченія у насъ обрядовой стороны богослуженія церковною властію, а также исторія нашего дониконовскаго исправленія богослужебныхъ книгъ.

Въ 1479 г. между великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ и митрополитомъ Геронтіемъ возникъ весьма горячій споръ о томъ, какъ совершать крестные ходы — по солнцу

или противъ солнца. Естественно было бы ожидать, что для рѣшенія спора, котораго никакъ не могли рѣшить сами, обратятся за спросомъ къ грекамъ. Однако этого вовсе не сдѣлали и напротивъ ссылку на грековъ одного изъ лицъ, участвовавшихъ въ спорѣ, оставили безъ всякаго вниманія. Это значитъ, что тогдашнимъ грекамъ у насъ уже не довѣряли и что уже не считали ихъ компетентными для рѣшенія спора.

Одну изъ задачъ Стоглаваго собора составляло упорядоченіе у насъ церковной обрядности и богослужебныхъ чиновъ. Естественно было бы ожидать, что у насъ въ семь случаевъ будетъ поставленъ себѣ передъ глазами примѣръ грековъ. Однако этого вовсе не было, такъ что для собора греки какъ будто и не существовали. Причиною сего было то, что во времена собора уже вовсе не считали у насъ грековъ обязательнымъ для себя примѣромъ *).

Великій князь Василій Ивановичъ поручилъ было Максиму Греку исправить наши богослужебныя книги по книгамъ греческимъ; но когда Максимъ, исполняя порученіе, открылъ въ книгахъ важныя погрѣшности, то привлекъ на себя своимъ открытіемъ тяжкій гнѣвъ и великаго князя и всѣхъ русскихъ. Это значитъ, что великій князь допускалъ только нѣкоторое неважное несогласіе нашихъ книгъ съ книгами греческими (подразумѣвается, т.-е. какъ подразумѣвалъ государь — древними **) и что открытіе Максима посягало на вѣру русскихъ въ то, что они суть хранители неповрежденной чистоты православія древнихъ грековъ (и для того-то между прочимъ, чтобы подорвать авторитетъ Максима, какъ исправителя книгъ, и старались какъ можно болѣе навывискивать противъ него обвиненій, какъ противъ развратителя книгъ).

Когда введено было у насъ книгопечатаніе и начато было

*) Есть основанія полагать, что митрополита Макарія очень занималъ вопросъ о томъ, справедливо ли наше русское мнѣніе о поврежденности чистоты православія у позднѣйшихъ грековъ, и что лично онъ какъ будто склонялся къ тому, чтобы считать мнѣніе несправедливымъ. Объ этомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

**) Великій князь допускалъ существованіе погрѣшностей потому, что о неисправности нашихъ книгъ говорили ему нѣкоторые изъ грековъ, пріѣхавшихъ въ Россію съ его матерью и служившихъ при дворѣ.

печатаніе богослужебныхъ книгъ, такъ называемые книжные справщики наши встрѣтили великое затрудненіе въ приготовленіи подлинниковъ для печати, т.-е. въ приготовленія списковъ, съ которыхъ печатать книги, потому что въ рукописяхъ книги представляли большое разнообразіе (объ этомъ разнообразіи нарочитая рѣчь будетъ ниже) и справщики не знали, что чему предпочитать и что выбирать. При такомъ затрудненіи естественно было бы обратиться къ помощи греческихъ печатныхъ книгъ. Но этого мы вовсе не видимъ до Никона, и причина сего есть та, что у насъ не вѣрили печатнымъ, какъ и вообще новымъ, греческимъ книгамъ *).

Прямыхъ заявленій со стороны русскихъ послѣ половины XV вѣка, что у позднѣйшихъ грековъ повреждена чистота православія и что только одни они-русскіе остаются хранителями этой чистоты, до настоящаго времени приведено въ извѣстность не особенно много. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ одинъ, содержащій эти заявленія, памятникъ или документъ, цѣль котораго какъ бы нарочитымъ образомъ составляетъ то, чтобы устранить всякія наши сомнѣнія и представить намъ дѣло съ совершенной ясностью. Разумѣемъ „Преніе“ съ греками о вѣрѣ Арсенія Суханова **).

Преніе это, съ одной стороны, несомнѣнно доказываетъ, что подлежащій рѣчамъ взглядъ русскихъ на грековъ и на самихъ себя твердо содержимъ былъ ими непосредственно до Никона; а съ другой стороны — въ немъ изображается нашъ взглядъ съ такою опредѣленностію и такою обстоятельностью, что не остается желать ничего большаго ***).

*) Патріархъ Филаретъ Никитичъ по поводу споровъ о словѣ „и огнемъ“ въ богоявленскомъ освященіи воды обращался къ восточнымъ патріархамъ съ просьбою справиться въ греческихъ книгахъ, читается или не читается въ нихъ спорное слово. Но Филаретъ просилъ патріарховъ справиться не въ новыхъ книгахъ, которымъ онъ со всѣми русскими не вѣрилъ, а въ древнихъ: еслибы дѣло шло о новыхъ книгахъ, то Филарету нечего было просить патріарховъ справиться въ книгахъ, а просто нужно было спросить, какъ читается (ибо что было въ новыхъ книгахъ, патріархи хорошо знали и безъ справокъ), а затѣмъ въ извѣстіяхъ прямо говорится, что просилъ справиться въ древнихъ книгахъ.

***) Печатано въ 11 и 12 №№ Христіанскаго Чтенія за 1883 годъ; подробное изложеніе содержанія у *проев. Макарія* въ Ист., XI, 142 sqq.

***) Изъ предшествующаго времени, послѣ приведенныхъ выше рѣчей исковскаго духовенства монаху Аванасію, извѣстны заявленія: митр. Филиппа I-го,

Итакъ, съ половины XV вѣка, вслѣдствіе указанныхъ нами причинъ, у насъ составилось убѣжденіе о позднѣйшихъ грекахъ, будто они отступили отъ чистоты православія древнихъ грековъ, причемъ дѣло было понимаемо такъ, будто все, чѣмъ греки отличались отъ насъ въ церковныхъ обрядахъ и обычаяхъ и богослужебныхъ книгахъ, составляло ихъ еретическія и погрѣшительныя повшества. Это совершенно несправедливое, но долговременное и твердое убѣжденіе и было причиною возникновенія у насъ раскола старообрядства *). Патріархъ Никонъ созналъ несправедли-

который въ посланіи къ новгородцамъ отъ 1471 г. пишетъ: „нынѣча въ лѣта наша великій царьствующей прежде благочестіемъ градъ Костянтинополъ ради латиньскыя прелести погыбе и отъ великого благочестія истребися“, — въ Памятн. *Иавл.* col. 728 fin., cfr Собр. лѣтт. VI, 7 sub fin.; писателя житій святыхъ при митрополитѣ Макаріи священника Василия, который въ житіи Саввы Крыпецкаго, сравнивая греческую землю съ русскою, говоритъ: „тамо вѣра православная испроказися Махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ, здѣ же въ рустѣй земли паче просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ“ (см. у *Ключевскаго* въ *Житіяхъ*, стр. 228); царя Михаила Ѳеодоровича, который въ грамотѣ въ Новгородъ 1617 г., по случаю заключенія мира со Шведами и возвращенія Новгорода къ Россіи, говоря о развращеніи вѣры у римлянъ, ксати говоритъ, что и у греческихъ людей мусульманскіе народы „вѣру ихъ, прежде держимую отцы ихъ, развратиха“ (Собр. госуд. грам. и догов. III, стр. 152, col. 2); Богоявленскаго игумена Іліи съ сиравщикомъ Григоріемъ при патр. Филаретѣ и священника Іоанна Насѣдки при патр. Іосифѣ заявленія о томъ, что печатныя греческія книги, какъ перенороченныя латинянами, въ земляхъ которыхъ печатается, у насъ на Москвѣ не принимаюся (иреніе Іліи и Григорія съ Лаврентіемъ Зизаніемъ напечатано во II томѣ Лѣтописей русской литературы и древности Тихонравова и особо Обществомъ любителей древней письменности, № издд. XVII; о Насѣдкѣ см. Опис. суподд. ркш. *Горск. и Невостр.* № 279, л. 381, стр. 375 fin.); неизвѣтнаго составителя русскихъ святцевъ, относящихся къ началу второй половины XVII вѣка и читаемыхъ въ одной изъ рукописей бібліотеки нашей Академіи (фундамент. № 201, по новой перемѣтѣ л. 339 об.) слова, что греки „насилія ради отъ безбожныхъ благочестіе свое все погубина“. Преп. Максимъ Грекъ въ опроверженіе русскаго взгляда на грековъ написалъ „Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая, аще и много лѣта обладаема суть отъ поганыхъ“ (отчасти имѣетъ ту же цѣль и его „Сказаніе ко отрицающимся на поставленіи и клянущимся своимъ рукописаніемъ“ и пр.).

*) За исправленіемъ Никона послѣдовала реформа Петра Великаго, представлявшая собою перенесеніе къ намъ съ Запада такъ сказать еретичества государственнаго и бытоваго, и она рѣшительнымъ образомъ послужила къ тому, чтобы придать расколу его крѣпость.

вость и неосновательность убѣжденія, вслѣдствіе чего и предпринялъ свое исправленіе обрядовъ и книгъ. Рѣшительное большинство общества признало и приняло Никоново исправленіе, перемѣняя въ слѣдъ за нимъ свой взглядъ на грековъ. Но среди цѣлаго общества нашлись отдѣльные люди, которые, во имя прежняго взгляда на грековъ, возстали противъ Никонова исправленія. Отъ этихъ-то отдѣльныхъ людей и пошелъ расколъ старообрядства*).

Изъ сказаннаго нами видно, что нашъ расколъ старообрядства есть слѣдствіе взаимодѣйствія двухъ причинъ: разрозненія нашего съ греками въ нѣкоторыхъ обычаяхъ церковныхъ и отсутствія у насъ просвѣщенія, что было причиною образованія у насъ своеобразныхъ взглядовъ на церковные обычаи. Если бы мы не разрознились съ греками въ обычаяхъ: то и при отсутствіи просвѣщенія не возникло бы у насъ раскола старообрядства, потому что тогда мы бы не имѣли бы поводовъ обвинять грековъ въ еретическихъ новшествахъ. Еслибы мы имѣли просвѣщеніе: то и при разрозненіи нашемъ съ греками не возникло бы у насъ раскола старообрядства, потому что тогда мы не смотрѣли бы на ихъ разности съ нами какъ на еретическія новшества. Но при существовавшихъ условіяхъ въ отношеніи къ обряд-

*) Можетъ казаться недоумѣннымъ, что русскіе считали грековъ за еретиковъ и въ то же время находились въ общеніи съ ними и признавали юридическія за ними права и духовную въ нихъ благодать (учрежденіе нашего патріаршества и поставленіе патріархомъ Іеремією нашего перваго патріарха Іова, поставленіе патріархомъ Теофаномъ патріарха Филарета), какъ будто они были православные. Но русскіе не признавали грековъ за настоящихъ еретиковъ, какъ напр. латинянтъ, а за православныхъ, только съ поврежденнымъ православіемъ, или за православныхъ, которые только внѣшнимъ, такъ сказать, образомъ болѣе или менѣе заражены были ересями (подобно тому какъ, вступивъ въ сношенія съ грузинами и нашедши у нихъ многія обрядовыя разности съ собой, русскіе признали ихъ за православныхъ, но съ поврежденнымъ и исполненнымъ еретическихъ новшествъ православіемъ). Для нихъ дѣло состояло въ томъ, чтобы считаемы были за ереси не наши обрядовыя разности съ греками, а напротивъ ихъ разности съ нами, и чтобы мнимыя ереси грековъ несколько не касались насъ самихъ и не были намъ навязываемы, а помимо своихъ ересей (представлявшихся ими-русскими какъ бы чѣмъ-то внѣшнимъ и какъ бы лишь механическою прибавкою къ православію или механическимъ на него наслоеніемъ, пагромажденіемъ) греки были для нихъ все-таки православными.

ности (разумѣемъ то, что греческое разнообразіе послѣдней перешло и къ намъ и что единообразіе у нихъ и у насъ водворялось независимо другъ отъ друга) весьма трудно было не случиться тому, чтобы въ чемъ-нибудь да не раз-
разнились мы съ греками. Слѣдовательно, главную причину возникновенія у насъ раскола старообрядства составляетъ отсутствіе у насъ просвѣщенія, при существованіи котораго уже во всякомъ или ни въ какомъ случаѣ расколъ не имѣлъ бы у насъ мѣста *), такъ какъ тогда не создалось бы у насъ своеобразныхъ взглядовъ на обычай церковные.

Е. Голубинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Какъ онъ вовсе не нашелъ себѣ мѣста въ Руси юго-западной или кievской.